

которой она не может забыть, тоскуя «в земной неволе». Тяга к запредельному, таким образом, прирождена человеку, как бы таится в нем: «Есть чувство правды в сердце человека — святое вечности зерно...» [1, т. I, с. 291]. Символическим выражением этого святого чувства, этого тяготения к высокому, вечному и являются образы неба, луны, звезд, столь частые в его юношеской поэзии. Как заметил П. Н. Сакулин, Лермонтов первых лет творчества может быть назван «настоящим звездопоклонником» [2, с. 4]. Действительно, в его ранней лирике нетрудно выделить своего рода «астральный» цикл: «Звезда» («Светись, светись, далекая звезда...»), «Небо и звезды», «Ангел», «Звезда» («Вверху одна...»), «Мой дом», «Люблю я цепи синих гор...» и др.

Итак, душа в представлении Лермонтова изначально чиста, она всецело принадлежит «небу». Между тем натура человека, полагает поэт, изначально антиномична, двойственна; небесное сталкивается в ней с земным, и сразу же начинается драма их взаимодействия: «Лишь в человеке встретиться могло священное с порочным...» [1, т. I, с. 184]. И если *душа* может грезить о райском блаженстве, абсолютном покое, то человеческая *личность* не в состоянии забыть о земном, полностью от него отрешиться. Зависть к «звездам прекрасным» неотделима от чувства разнородности с ними:

Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек!...
[1, т. I, с. 219].

Стремление к небесному блаженству выступает тем самым в творчестве Лермонтова как своего рода *сверхличный* идеал. Личность же может мечтать только о некотором подобии земной жизни — об «очищенном» и продолженном земном бытии. Как показал В. Ф. Асмус, для Лермонтова характерна «мысль о том, что постулируемый поэтом мир высшей, запредельной реальности есть лишь проекция его *земных* устремлений и желаний», что он тесно связан с миром наличной действительности [3, с. 389]. Такого рода «постулируемая» реальность занимает как бы срединное, промежуточное положение между землей и небом (это земля с чертами неба или небо с дарами земли), хотя в системе утверждаемых поэтом жизненных ценностей она также получает наименование и статус «неба».

Так, в юношеском стихотворении «Отрывок» («На жизнь надеяться страшась...») нарисована картина грядущего «рая земли», уготованного даже не будущим, далеким поколениям людей, но тем, кто придет им на смену — «другим, чистейшим существам», безгрешным и детски наивным, к которым «станут... слетаться ангелы» [1, т. I, с. 114]. Не похожи на рай и «надзвездные края», куда Демон зовет Тамару: ее ждут там сокровища, красота, наслаждение — словом, «все, все земное» [см. 4, с. 222]. Тот же мотив звучит и в поэме «Ангел смерти»: «Там все, что он любил земного, он встретит и полюбит снова!..» [1, т. III, с. 147]. Характерны, наконец, афористические строки позднейшего стихотворения («Любовь мертвеца», 1841):

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
[1, т. II, с. 180].

Неслиянность личности и души (или, по крайней мере, неполная их слитность), известная автономность, независимость друг от друга, самостоятельность и самоценность обоих начал — такова уникальная особенность лермонтовского жизнеощущения. Не случайно в лирическом субъекте Лермонтова, по словам С. В. Ломинадзе, «причудливо совмещены как бы два сознания: одно мерит свои сроки вечностью, другое — житей-